

отказать Некрасову следовало непременно, но «самым мягким, самым сладким и нежным образом» (28₁; 347). Подозревая одну только торгашескую интригу, Достоевский еще не знал приговора, вынесенного ему «господами современниками» и мгновенно ставшего достоянием литературного Петербурга. Он просил брата быть крайне внимательным: «В сношениях с Некрасовым замечай все подробности и все его слова, и, ради Бога, прошу, опиши всё это подробнее. Для меня ведь это очень *интересно*» (28₁; 336).

Однако «все слова» Некрасова были безоговорочны и беспощадны: «Достоевский вышел весь. Ему не написать ничего больше»¹.

Однако *весь* Достоевский только начинался.

Михаил Сафонов
(Санкт-Петербург)

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ПИСЬМЕННЫЙ ВЫЗОВ ПУШКИНА НА ДУЭЛЬ?

«4 ноября (1836 г. — М. С.) вечером Пушкин отправил по городской почте вызов на имя барона Жоржа Геккерна. Этот письменный вызов видел Соллогуб у д'Аршиака, когда секунданты 17 ноября встретились для переговоров.

Точный текст пушкинского письма нам неизвестен, но общий характер его ясен из дальнейших переговоров. То был вызов — предельно лаконичный, корректный, без объяснения причин... Пушкин действовал в духе рыцарских дуэльных традиций времен своей молодости... Письмо Пушкина было доставлено в дом нидерландского посланника 5 ноября около девяти часов утра. В это время Дантес был на дежурстве в полку. Он должен был вернуться в первом часу дня. Письмо Пушкина попало в руки к барону Геккерну-старшему, и он распечатал его, не дожидаясь возвращения молодого человека. При всей короткости их отношений этот факт обращает на себя внимание. Чтобы распечатать чужое письмо, нужно было иметь достаточно серьезный повод. Получив письмо Пушкина, барон почему-то не стал сдерживать нетерпения»².

Так С. Л. Абрамович, автор самой популярной, выдержавшей четыре издания книги о гибели Пушкина, начинает рассказ о ноябрьской дуэли поэта, которая хотя и не состоялась, но послужила началом конфликта, завершившегося гибелью поэта. К сожалению, в приведенном пассаже что ни слово, то ошибка или просто домысел.

Не мог распечатать барон Геккерн-старший чужого послания. Не мог потому, что городская почта не доставила ему письма на имя Дантеса. Почта не доставила потому, что вообще никакого письма к Дантесу Пушкин не отправлял. Не отправлял же его Пушкин потому, что вообще никакого письменного вызова Пушкина — ни короткого, ни длинного, ни дерзкого, ни корректного — вообще не было.

Никто, никогда и нигде не видел письменного вызова Пушкина на дуэль. В. А. Соллогуб, правда, утверждал, что видел². Но видел ли на самом деле?

Чего только не «видел» и не «слышал» Соллогуб на своем долгом веку! Если верить воспоминаниям этого человека — среди его друзей были Гоголь, Лермонтов,

¹ Там же.

² Абрамович С. Л. Пушкин в 1936 году: (Предыстория последней дуэли). Л.: Наука, 1989. С. 102–103.

³ См.: Соллогуб В. А. Из «Воспоминаний» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 2. С. 342. (Сер. лит. мемуаров).

Пушкин, Тургенев. О каждом из них Соллогуб рассказал в своих воспоминаниях что-нибудь этакое. Вот, например, как передает он рассказ Тургенева о прелюбопытнейшем случае, произошедшем с ним в Лондоне. Н. М. Жемчужников пригласил Тургенева отобедать в один из «высокотонных клубов». В назначенный час они оба явились туда во фраках и белых галстуках, так как в таких заведениях соблюдался самый строгий этикет. Едва они уселись, как вокруг них принялись священнодействовать трое дворецких, гораздо более походивших на членов палаты лордов, чем на официантов. Жемчужников предупредил, что Тургеневу подадут обыкновенный клубный обед, он же вынужден, как всегда, есть свои бараньи котлетки, так как его желудок ничего другого варить не может. Затем один из важных дворецких, бесшумно двигаясь на гуттаперчевых подошвах своих лакированных башмаков, внес серебряную суповую чашу и передал ее другому, другой, в свою очередь, передал ее третьему, третий, самый важный, поставил ее перед Тургеневым. Затем с тем же церемониалом появилось под серебряным колпаком серебряное же блюдо, самый важный дворецкий с необыкновенной торжественностью поставил его перед Жемчужниковым и с какими то особенными носовыми звуками произнес: «First cotlett», то есть «Первая котлетка». Тургеневу подали рыбу, а Жемчужникову тот же дворецкий на таком же блюде под колпаком принес вторую котлетку и величественно произнес: «Second cotlett». Когда после рыбы перед Тургеневым появился кровяной ростбиф, а Жемчужникову преподнесли новую котлетку, о которой дворецкий возвестил: «Third cotlett», Тургенева «обуяло какое-то исступление». Что было мочи он ударил кулаком по столу и «принялся как сумасшедший кричать: “Редька! Тыква! Кобыла! Река! Баба! Каша! Каша!”».

«Иван Сергеевич? Что это с вами? Что это вы?» — с испугом спросил Жемчужников. Он подумал, что Тургенев сошел с ума. «Мочи моей нет! — ответил ему Тургенев. — Душат меня здесь, душат!.. Я должен себя русскими словами успокоить!» Кто близко знал Тургенева, его добродушие, терпение, безукоризненную благовоспитанность, тот не может его представить «бывшим стекла», заключил свой рассказ Соллогуб¹.

Когда мемуары В. А. Соллогуба в полном виде появились в печати в 1886 г., на них моментально отреагировал Н. М. Жемчужников. В газету «Новости» он прислал специальную заметку, в которой категорически заявил, что в рассказе как о Тургеневе, так и об английском клубе нет ни слова правды. На самом же деле было так. В день своего приезда в Лондон И. С. Тургенев в сером дорожном костюме обедал с Жемчужниковым в его клубе. В разговоре он шутиливо, со свойственным ему добродушием подтрунивал над Жемчужниковым и над англичанами, но шутил как человек благовоспитанный, «без всяких стуков кулаками по столу и без всякого крика каких-то бессвязных русских слов...». Всем, кто знал более или менее Соллогуба, заключил Жемчужников, «известно, как он любил все преувеличивать в своих рассказах. Эти преувеличения и выдумки граничили даже с невероятным»².

А ведь умри Н. М. Жемчужников раньше, чем воспоминания В. А. Соллогуба увидели свет, читатели поверили бы в то, что все это было на самом деле. Поэтому, читая пассажи Соллогуба о Пушкине, нельзя ни на минуту забывать, что все это написано человеком, весьма вольно обращавшимся в своих мемуарах с событиями и фактами.

¹ Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1887. С. 237–240.

² *Буда-Жемчужников Н. М. И. С. Тургенев и граф Соллогуб: (Письмо в редакцию) // Новости и Биржевая газета. 1886. 13 нояб.*

О своих отношениях с поэтом Соллогуб рассказывает следующее: «...мы с Пушкиным были в очень дружеских отношениях <...> он особенно ко мне благоволил. Он поощрял мои первые литературные опыты, давал мне советы, читал свои стихи и был чрезвычайно к мне благосклонен, несмотря на разность наших лет»¹. Читая эти строки, невольно вспоминаешь Хлестакова, который, как известно, был «с Пушкиным на дружеской ноге». Но даже Хлестакову не пришло в голову «вспомнить» такое: «...он <Пушкин> мне сказал тут несколько таких лестных слов, что я не смею их повторить; но слова эти остались отраднейшим воспоминанием моей литературной жизни. Сколько раз впоследствии, когда имя мое <...> подвергалось насмешкам и ругательствам журналистов, доходивших иногда до клеветы, я смирял свою минутную досаду повторением слов, сказанных мне главою русских писателей...»²

Конечно, у Соллогуба Пушкин не кричал: «Редька! Тыква! Кобыла! Река! Баба! Каша!» и не бил кулаками по столу, — оттого воспоминания Соллогуба о Пушкине казались правдоподобными. Впрочем, не совсем так. Вот как описал В. А. Соллогуб бал у С. В. Салтыкова, где была объявлена помолвка Ж. Дантеса и Е. Н. Гончаровой. Пушкин свадьбе не верил и поэтому сказал Соллогубу:

- Хотите биться об заклад, что свадьбы не будет? Вот у вас тросточка. У меня бабья страсть к этим игрушкам. Проиграйте мне ее.
- А Вы проиграете мне все ваши сочинения?
- Хорошо³.

Современный читатель едва ли может почувствовать всю нелепость этого диалога. Прежде всего потому, что сам никогда не бывал на великосветских балах прошлого века. Ну, положим, Пушкин мог в шутку поставить на пари все свои сочинения, хотя и это довольно сомнительно, но каким образом граф Соллогуб мог быть на балу с тросточкой?

Такой вопрос поставил еще один из первых биографов Пушкина П. А. Ефремов⁴, но вопрос этот остался тогда без ответа, а потом был просто-напросто забыт. Видимо, соллогубовская тросточка из того же разряда неудачных «изобретений», как тургеневские «Баба!» и «Каша!». Но Бог с ней, с тросточкой. Настораживает не столько она, сколько сам дух воспоминаний Соллогуба.

Не успели появиться отрывки этих воспоминаний в печати, как сатирическая газета «Будильник» пометила издевательскую пародию на автора. Она называлась «Литературные воспоминания Маслогуба». Аноним очень тонко высмеял тон, в котором Соллогуб пытался возвеличить себя устами покойного поэта. Здесь очень выразителен диалог Маслогуба и Пушкина:

- Однажды, встретившись с ним на балу у князя Д., я сказал ему:
- Послушай, брат Александр, начни-ка ты издавать журнал.
- Великолепная мысль! — с восторгом сказал Пушкин. Спасибо, братец, ты подал мне эту мысль.
- Право, брат, издавай. Да, кстати, брат, уж так и назови его «Современник».
- «Современник» — превосходное название. Так и назову, — сказал Пушкин и бросился целовать меня. На другой день он начал издавать «Современник»⁵.

¹ Соллогуб В. А. Из «Воспоминаний». С. 338.

² Там же. С. 341.

³ Там же. С. 345.

⁴ Ефремов П. А. А. С. Пушкин. Биографический очерк // Русская старина. 1880. № 6. С. 335.

⁵ Литературные воспоминания Маслогуба // Будильник. 1865. 21 сент. № 72. С. 285.

Отнюдь не случайно дочь современницы Пушкина А. О. Смирновой-Россет О. Н. Смирнова на экземпляре воспоминаний Соллогуба¹, ныне хранящемся в Пушкинском Доме², оставила несколько саркастических пометок. Против того места, где Соллогуб рассказывал о своей близкой дружбе с Пушкиным, она пометила: «Ну, не Хлестаков ли Соллогуб?»³

Поэтому невозможно без улыбки читать отзывы современных литературоведов о том, что «мемуары Соллогуба являются очень точным и ценным источником для истории последних лет жизни Пушкина и его дуэли»⁴.

Пожалуй, самым значительным эпизодом в жизни Соллогуба оказалось то, что он был приглашен Пушкиным в секунданты во время ноябрьской дуэльной истории 1836 года. Приглашен довольно-таки случайно. Соллогуб просто подвернулся под руку Пушкину в тот момент, когда поэт, не желая посвящать близких друзей во все обстоятельства дуэльной истории, остро нуждался в посреднике между ним и Дантесом. В. А. Жуковский же, ведший ранее переговоры с противной стороной, неожиданно от посреднической роли самоустранился. В этой ситуации на глаза Пушкину и попался Соллогуб. Это было 16 ноября 1836 г.⁵

В первой половине 1850-х годов Соллогуб рассказал об этом примечательном эпизоде своей жизни первому биографу Пушкина П. В. Анненкову. Тот записал этот рассказ. В 1929 г. запись была опубликована известным пушкинистом Б. Л. Модзалевским. В. А. Соллогуб рассказал П. В. Анненкову следующее. Когда он утром 17 ноября приехал к секунданту Дантеса О. д'Аршиаку, тот показал ему всю переписку по данному делу. «Вызов Пушкина, потом отзыв его: узнав из городских слухов, что г. Дантес хочет жениться на его свояченице, он берет назад свой вызов»⁶.

В 1865 г. В. А. Соллогуб, в то время уже довольно известный писатель, был избран членом Общества любителей российской словесности. Чтобы оправдать свои права на диплом, Соллогуб прочитал на заседании общества, как он выразился, «свою литературную исповедь». В том же году доклад Соллогуба был опубликован в «Русском архиве»⁷. Тогда же воспоминания Соллогуба вышли отдельной брошюрой с подзаголовком «Новые сведения о предсмертном поединке Пушкина»⁸. Согласно литературной исповеди «при встрече д'Аршиак показал ему всю переписку: 1) экземпляр ругательного диплома на имя Пушкина; 2) вызов Пушкина Дантесу после получения диплома; 3) записку посланника барона Геккерна, в которой он просит, чтобы поединок был отложен на две недели; 4) собственноручную записку Пушкина, в которой он объявлял, что берет свой вызов назад на основании слухов, что г. Дантес женится на его невестке Е. Н. Гончаровой»⁹.

На этом-то свидетельстве П. Е. Щеголев, написавший, пожалуй, самую обстоятельную книгу о гибели Пушкина (откуда С. Л. Абрамович и позаимствовала сведе-

¹ Воспоминания графа Владимира Александровича Сологуба.

² Шифр экземпляра, поступившего из собрания А. Ф. Онегина-Отто, в библиотеку Пушкинского Дома: 89 22/73.

³ Вацуро В. Э. Из разысканий о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии, 1972. Л.: Наука, 1974. С. 101.

⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 507.

⁵ Там же. С. 341.

⁶ Нечто о Пушкине: (Записка Соллогуба junior) // Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л.: Прибой, 1929. С. 379.

⁷ Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба: (Читано в публичном заседании Общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете 28 марта 1865 г.) // Русский архив. 1865. Стб. 735–772.

⁸ Воспоминания графа В. А. Соллогуба: Гоголь, Пушкин и Лермонтов: Новые сведения о предсмертном поединке А. С. Пушкина. М.: Тип. В. Грачева и К^о, 1866.

⁹ Там же. С. 44.

ния), основал свой вывод о характере вызова поэта. «Вызов был письменный, — писал известный пушкинист в первом издании своей книги, вышедшей в 1916 г. — Когда графу Соллогубу пришлось позднее выступить в роли секунданта, д'Аршиак, секундант Дантеса, желая ознакомить его с обстоятельствами дела, предъявил ему документы и среди них «вызов Пушкина Дантесу»¹.

Но о существовании анненковской записи ранней редакции воспоминаний В. А. Соллогуба П. Е. Щеголев ничего не знал. Б. Л. Модзалевский опубликовал ее лишь в 1929 году, то есть год спустя после выхода в свет последнего прижизненного издания книги П. Е. Щеголева². Поэтому никакого сопоставления редакций воспоминаний В. А. Соллогуба П. Е. Щеголева, естественно сделать не мог. Но никто из пушкинистов, писавших после П. Е. Щеголева, не сделал такого сопоставления, и его заключение о существовании письменного вызова Пушкина прочно вошло в литературу³.

Между тем нетрудно заметить, что, «полный список» документов дуэльного дела, предъявленный д'Аршиаком секунданту Пушкина, появился только в «литературной исповеди» Соллогуба, в рассказе же П. В. Анненкову список был вдвое короче. «Полный список» вызывает самые серьезные сомнения. «Из четырех названных документов, — отмечают современные комментаторы записок Соллогуба, — известен только текст «ругательного диплома»⁴.

Это не совсем так. Сохранилась записка Пушкина, переписанная неизвестной рукой, в которой поэт отказывается от своего вызова на основании слухов о намерении Дантеса жениться на Е. Гончаровой⁵. По сути дела, это единственный документ, который Соллогуб мог видеть у д'Аршиака. Более чем сомнительно, что секундант предъявил ему текст пасквиля. Насколько можно судить по переписке Дантеса и Геккерна во время следствия о дуэли в феврале 1837 г., Геккерн-старший сообщил «сыну» о внешнем виде диплома, на тот случай, если станут об этом спрашивать судьи. Геккерн упомянул о том, что диплом ему показал К. В. Нессельроде⁶, из чего нетрудно заключить, что в ноябре 1836 г. ни Дантес, ни его «отец» дипломом не располагали. В том, что не существовало записки Геккерна, в которой он просил отложить поединок на две недели, не усомнится ни один серьезный пушкинист⁷. Остается лишь письменный вызов Пушкина Дантесу, якобы посланный после получения диплома. Судя по всему, Соллогуб просто-напросто придумал существование некоторых документов, чтобы придать своему рассказу больше веса и обстоятельности.

Кроме Соллогуба, никто никогда не видел письменного вызова Пушкина. Напротив, свидетельства, и весьма авторитетные, доказывают обратное. Когда Дантес предстал перед Военно-судной комиссией Конного полка в первом же своем показании 6 февраля 1837 года убийца поэта свидетельствовал: «В ноябре 1836 года получил я словесный (курсив мой. — М. С.) вызов Пушкина на дуэль»⁸. Можно было бы

¹ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы // Пушкин и его современники. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1916. Вып. XXV/XXVII. С. 073; 0103.

² Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.

³ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина / С прил. новых материалов из нидерландских архивов. СПб.: Акад. проект, 1999. С. 96.

⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 509.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 17 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. XVI. С. 232–233.

⁶ Я. Геккерн — Ж. Дантесу, б. д. // Поляков А. С. О смерти Пушкина: (По новым данным). Пб.: ГИЗ, 1922. С. 17; Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина / С прил. новых материалов из нидерландских архивов. С. 304.

⁷ Ср.: Витале С. Пуговица Пушкина / Пер. с англ. Е. М. Емельяновой. Калининград: Янтарный сказ, 2001. С. 193.

⁸ Дуэль Пушкина с Дантесом: Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1900. С. 42.

не придавать свидетельствам Дантеса большого значения. Он — лицо заинтересованное. Стремился скрыть от Комиссии истинное положение дел, да и следователи допрашивали весьма мягко. Но и сам Пушкин свидетельствовал о том же самом. В открытом письме, которое поэт намеревался сделать достоянием гласности после окончания ноябрьской дуэльной истории (письмо это по недоразумению обычно называют письмом к А. Х. Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г.), Пушкин писал: «Мне не подобало видеть, чтобы имя моей жены было в данном случае связано с чьим бы то ни было именем. Я поручил *сказать* (курсив мой. — М. С.) это Дантесу. Барон Геккерн приехал ко мне и принял вызов от имени г. Дантеса»¹.

Итак, никакого письменного вызова Пушкина не было. Почему же тогда Геккерн явился в дом поэта 5 ноября 1836 г.? Сам Пушкин в письме от 21 ноября утверждал, что он «поручил сказать Дантесу» о вызове, но, к сожалению, не раскрыл, кому именно было дано это устное поручение. Издатель «Русского архива» П. И. Барте-нев записал рассказы П. А. и В. Ф. Вяземских. По их словам, «Пушкин послал Геккерну, кажется, через брата жены своей, Гончарова, вызов на поединок»². Историк кавалергардов С. А. Панчулидзе в биографии Дантеса прямо утверждал, к сожалению, не указывая своего источника, что вызов был послан «через своего шурина Ивана Гончарова»³. О том, что именно Иван Гончаров был замешан в событиях, с которых началась дуэльная история, свидетельствуют конспективные заметки В. А. Жуковского о дуэльной истории: «4 ноября. Les lettres anonymes (то есть анонимные письма. — М. С.). 6 ноября. Гончаров у меня — моя поездка в Петербург к Пушкину»⁴. Как уже хорошо известно, с 7 по 9 ноября поручик Гусарского полка (он был потом свидетелем на свадьбе Екатерины Гончаровой и Дантеса⁵) находился под арестом за то, что, по словам сестры, «не выполнил каких-то служебных формальностей по приезде сюда»⁶, в действительности — за самовольную отлучку в Петербург из Царского Села, где стоял Гусарский полк⁷. Не покажется ли довольно странным, что объясняться с Дантесом относительно чести Н. Н. Пушкиной пошел ее брат, а не муж? Быть может, речь шла вовсе не о чести жены Пушкина? Может быть.

Итак, никакого письменного вызова Пушкина не было⁸.

¹ А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу, 21 ноября 1836 г // Пушкин А. С. Письма последних лет, 1834—1837. Л.: Наука, 1969. С. 165. О вызове здесь сказано буквально следующее: «Je le fis dire à M-r Dantès», то есть «я сделал так, чтобы это было сказано Дантесу». Подобная же формула со-держалась и в черновике этого письма: «demander dire à m-r Dantès» (Казанский Б. В. Письмо Пушкина Геккерну // Звенья. М.: Л.: Academia, 1936. Т. VI. С. 61).

² Из рассказов князя П. А. и княгини В. Ф. Вяземских: (Записано в разное время с позволения обо-их) // Русский архив. 1888. Вып. 7. С. 307.

³ Панчулидзе С. А. Сборник биографий кавалергардов: В 4 т. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1908. Т. 4: 1826—1908. С. 79.

⁴ Конспективные заметки В. А. Жуковского о дуэли Пушкина // Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пуш-кина / С приложением новых материалов из нидерландских архивов. С. 285.

⁵ Там же. С. 110.

⁶ Е. Н. Гончарова — Д. Н. Гончарову, 9 ноября 1836 г // Ободовская Н. И., Ободовский М. А. Вокруг Пушкина. М.: Сов. Россия, 1978. С. 248.

⁷ Характерно, что П. Е. Щеголев, опубликовавший конспективные заметки В. А. Жуковского, под-тверждающие причастность И. Н. Гончарова к завязке дуэли, был знаком и с показаниями П. А. и В. Ф. Вяземских о роли в этой истории брата сестер Гончаровых, тем не менее, считал их свиде-тельство маловероятным. Настолько великого было доверие пушкиниста к показаниям В. А. Сол-логуба.

⁸ К сожалению, почти то же самое, что и про С. Л. Абрамович, можно сказать относительно италь-янской исследовательницы Серене Витале, автора книги «Пуговица Пушкина», сочинения, пере-веденного на большинство европейских языков. Вот как она начинает рассказ о ноябрьской дуэли: «Вечером 4 ноября гусар Иван Гончаров, младший брат Натальи Николаевны, доставил вызов